

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ
ВРАЧЕБНАЯ
ТАЙНА

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М15

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Макеев, Алексей Викторович.

М15 **Врачебная тайна / Алексей Макеев. —**
Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Черная
кошка).

ISBN 978-5-699-79769-1

Солдату Смелкову поручено ночью сбегать в город за водкой. Вместо денег ему дали несколько обычных на вид таблеток, которые и надо было обменять на бутылку. Задание успешно выполнено, да вот только сержант, который отправил Смелкова в город, вскоре скончался от отравления. Смелков рассказывает о ночном приключении своему другу, капитану медицинской службы Горящеву. Горящев обещает Смелкову разобраться, но через несколько дней труп капитана находят с простреленной головой. Официальное заключение — самоубийство. И причина вроде бы веская: неразделенная любовь к медсестре по имени Люция, которая работает в военном госпитале. Но Смелкова не устраивает эта версия. Он симулирует заболевание и попадает в тот самый госпиталь. Там ему открываются тайные стороны преступления, в которое он невольно оказался втянут...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79769-1

© Куревин А.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Где-то солдатам приходится убивать врагов. Говорят, от этого сходят с ума. Нам же, к счастью, — только время. Если один объект закончен, то нарываться на новое задание нет нужды. И свихнуться не боимся, поскольку итак, по общему убеждению, пребываем в дурдоме. Называется «учебка связи». Какая связь, кстати, имеется в виду — вопрос. Я бы не смог дать на него однозначного ответа. Кроме телеграфной, которую, вроде как, осваиваем мы, бывает еще деловая, половая, преступная... При желании, признаки любой из них, мне кажется, можно у нас отыскать тоже.

Однако расслабиться в отстроенном спорт-городке было не судьба. Серега Перепелкин своими зоркими глазами увидел фигуру военнослужащего, отделившуюся от казармы идвигающуюся в нашем направлении.

— Кажись, Бочков, — сказал он. — Точно.

Врачебная тайна

— Сейчас поступит новая вводная, — вздохнул я. Первый соискатель сержантских лычек, которого я назвал бы своим врагом, если бы он заслуживал столь высокого звания, по своей воле к нам не пошел бы. Пилотка сдвинута на лоб, губы плотно сжаты. Серьезен, как всегда. На гражданке он занимался боксом. Это такой вид спорта, где бьют по голове. Мне кажется, на нем сказалось. Рядом со столь сосредоточенным человеком делается стыдно за собственную беззаботность.

— Смелков! — обратился он ко мне, ни здравствуйте, ни начхать. — Тебя Рубликов вызывает.

Сержант Рубликов пиликал нам в классе морзянку на ключе и передатчике на пару с младшим сержантом Шляховым. Мы хором пели: «И тоо-лькоо — оо-днаа. Два — не хоо-роо-шоо. Три — те-бе-маа-лоо...»

— Зовет, так иду, — сказал я, не выказывая особой поспешности.

— Срочно! — резко сказал Бочков. — У нас чэ-пэ. Шляхов в госпитале помер!

— Со смеху? — спросил я.

— Чего со смеху? — Юмор до Бочкова почему-то не дошел. Зато я понял, что он не шутит.

— Как помер?

— Ты что, Смелков, идиот? Не знаешь, как умирают?

— Знаю, — продолжал кривляться я, не в силах поверить в услышанное. — Сам сколько раз умирал — от скуки, от голода или, там, после трех кружек пива в автобусе...

Я посмотрел на Серегу. Серега сурово молчал. М-да... Икнется теперь старшине ночная пирушка!

В стороне от казармы паслась на лужайке радиостанция — «зилок» с кунгом. За ней-то и обнаружил накануне рано поутру своего командира рядовой Суслов, сменивший на посту рядового Кисина. Киса, видно, все дежурство продрях под колесом и, как там оказался Шляхов, понятия не имел. Суслик побежал в казарму, растолкал Рубликова и, выслушав от того все матерные слова, увернувшись от сапога, которым Рубликов хотел его огреть, все же сумел объяснить товарищу сержанту, что Шляхову худо.

Продолжая ругаться, Рубликов все-таки оделся, дошел до своего напарника и, перевернув того на спину, обнаружил, что Шляхов, очевидно, мертвецки пьян и весь заблеван, послал Су-

Врачебная тайна

слика за ведром воды. Когда же хороший душ на голову Шляха не возымел действия, Рубликов понял, что ему не думать о том, как привести Шляха в чувство и отмазать от начальства надо, ему требуется Шляхова спасать, и пошел в штаб. Дежурил как раз наш взводный — старший лейтенант Волосов, это было на руку. Пусть сам и решает, покрывать своего сержанта или... закрывать, — подумал, наверное, Рубликов. На губе свободное место для хорошего человека всегда найдется.

Волосов вызвал «Скорую», проводил ее, увозящую бесчувственного Шляхова, до КПП, и еще долго стоял и тупо смотрел на закрывшиеся ворота. Взводный наш вообще был задумчивым. Трудно сказать — всегда или здесь таким стал. Ростом — дяденька, достань воробышка! — наверное, в училище в строю первым стоял. Не курит, возможно, что и не пьет особо — лицо всегда свежее. Вероятно, залетчиком никогда не был, а вот поди же ты! Можно хорошо учиться, делать все, как надо, а служить по распределению в ГДР или Чехословакию все равно поедет, кто надо. А он торчит здесь, в этой дыре под названием «Станция Мирная» в Читинской области. И не женат.

Я, невольный свидетель, а в некотором роде и участник ночной оргии, ждал развязки, но, конечно, не такой. Такого никто не предполагал!

Рубликов встретил нас на углу казармы — высокий, узкоплечий, высоколобый, белокубый — когда улыбается. Сейчас он не улыбался. Отвел меня в сторону.

— Смелков, тебя замполит вызывает. Но сначала забеги к старшине, он в столовой. Понял?

— Угу, — кивнул я. Сержант и ухом не повел на неуставной ответ.

В столовую я проник через служебный вход, как той ночью. Шляхов дежурил по столовой с чужим взводом, у них сержанта с желтухой увезли в инфекционную больницу. Китайцем тот не был, так что, бог даст, поправится. Обидно очень посадить на ровном месте. На гражданке люди годами бухают ради этого, а тут — ни за что ни про что и безо всякого удовольствия.

У Шляхова у самого глаза стали узкими, как у китайца, с недосыпу. Среди его любимчиков во взводе я занимал особое место! Варочной давно меня пугал (ею всех пугали) и вот привел. Встретил нас со Шляховым сам старшина Ата-

Врачебная тайна

манов — невысокого роста крепыш, голубые глаза навывкате, усы воинственно топорщатся. Бонапартик! Усы сбрить только...

— С высшим образованием? — спросил он меня. Шляхов удружил.

— Всего лишь институт окончил, — скромно ответил я. Старшина, однако, не был настроен философски дискутировать на тему, что есть высшее образование.

— У нас проблема. — Он завел меня в темный угол за котлами, где на кушетке спал рыжий Поваренок. Поваренок, очевидно, был пьян. От старшины также ощущалось амбрэ. — Вот. Когда очухается, я его самого сварю! — пообещал Атаманов. — А пока сможешь котлы запустить? Воды налить, вскипятить, чтобы все было чики-пуки! — Атаманов сделал такой жест, будто провел в воздухе дирижерской палочкой. Хотелось ответить, что при такой кормежке не только «чики», даже «пуки» не получаются, но не стал.

— Разберусь, — сказал. Как будто мне что-то иное оставалось.

— Вот и славно! — воскликнул старшина. И, хлопнув Шляхова по спине: «Пойдем!» — увел его в поварскую бытовку, откуда слышались голоса. Мафия гуляла.

Мне было удивительно, как это Шляхов, сержант без году неделя, так быстро затесался в ряды мафии? Рубликов уже год отслужил, а не вхож.

К счастью, все тумблеры, лампочки и краны на котлах были снабжены надписями на русском языке. Освоившись, я вздохнул свободнее, но тут над крышкам котлов возникла опухшая физиономия Поваренка и уставилась на меня в недоумении. Если к его рыжей, курчавой даже при короткой стрижке головенке приставить рожки, в руки дать кочергу, поставить к котлам, был бы похож на чертика, — подумал я. — Хорошо бы еще в каждый котел посадить по сержанту. В один, допустим, Рубликова, в другой — Шляхова. И пусть пели бы друг другу: «И тоо-лькоо — оо-днаа! Два — не хоо-роо-шоо!» — когда черт станет поддавать жару.

— Аоа эна ээ адо?! — заорал на меня Поваренок. Акустика в варочной была отвратительная, да у него еще дикция никудышная.

— Аоа эна! — в тон ему гаркнул я. — Воду кипячу за тебя, алкоголика!

— Борзый, что ли?!! — изумился моей наглости подмастерье местного ада и, обогнув котел, кинулся ко мне. Думал мне пинка отвесить,

Врачебная тайна

типа каратист. Однако ногу его я поймал, подернул кверху, и бедолага рухнул спиной на кафель. То, что затылком ударился, — ничего. Голова у него нынче мягкая была, как сися, по выражению одного знакомого.

— Ах, ты, сука! — завопил Поваренок и снова попытался наскочить на меня. Ну просто петушок — золотой гребешок какой-то!

— Не сука, а кобель, в крайнем случае, — поправил я его, хватая за грудки и впечатывая спиной в котел. Даже испугался! Испорчу оборудование, оставлю народ без завтрака, меня самого съедят!

Отлепив «петушка» от котла, отшвырнул его от себя подальше.

— Ну, все! Песец тебе! — Оглядываясь, он отступил к поварской бытовке и скрылся за дверью. Полярная лисица являлась популярным зверьком в части. Среди домашних животных на слуху были «козел» и «бараны» (во множественном числе). Из птиц наиболее популярен — дятел. Впрочем, в учебке связи, где все долбят морзянку, это неудивительно.

Я уставился на дверь в ожидании, что сейчас из-за нее высыплет мафия, чтобысыпать мне хорошенько. Уже представил себя перекатывающимся с боку на бок по жесткой плитке в то

время, как меня пинают слева и справа тяжелыми кирзовыми сапогами. Главное, поскорее принять позу эмбриона, прикрыть голову локтями, — учил опыт потасовок на танцплощадке... Однако вышел один лишь Повар. Этот зверь был покрупнее, нежели Поваренок, и пострашнее. Его пошатывало. Осмотревшись, Повар помаанил меня рукой. Неудобно было отказывать. Отпечатав шаг, я приложил руку к пилотке:

— Товарищ сержант! Рядовой Смелков! По приказанию товарища старшины запускаю котлы, а тут какой-то неуравновешенный с кулаками бросается...

— Тс-с-с! — Повар приложил палец к губам. После чего громко икнул и, покачиваясь, отправился на выход. Перед дверью в страхе вытянулся служивенький, очевидно, охранявший ночной покой мафии от шального офицера. По идее все офицеры должны в своем городке спать давно, кроме дежурного по штабу, но мало ли что... Через некоторое время Повар тихонько пронес свое тело обратно в бытовку, аккуратно закрыв за собой дверь. Милейший человек!

Я подошел к постовому, угостил сигаретой, посочувствовал. На стреме стоять, мол, тяжелее, чем на тумбочке. Каждый норовит доко-

Врачебная тайна

паться, выходя по нужде: «Смотри!» — дыша перегаром в лицо.

— Часто они так? — кивнул я на бытовку.

— Бухают? Бывает. А то и просто так засиживаются. Угроздило меня в одно расположение со старшиной попасть! Теперь таскает... А ты здорово рыжего приложил! Житья никому не дает.

Наша беседа прервалась из-за появления на пороге бытовки Атаманова со Шляховым. Старшина хлопнул сержанта по плечу, сказал: «Давай!» Шляхов исчез, но вскоре вернулся и, подойдя сперва к Атаманову, двинулся ко мне. В руке у него был какой-то сверток. Старшина что-то буркнул, Шляхов спрятал сверток за спину.

— Запустил котлы? — спросил он меня. — Пойдем со мной, дело есть.

Удивляться я не стал. Как неожиданно попал в варочную, так ее и покинул. Старшину с того момента не видел. С котлами, очевидно, дальше справились без меня.

Сегодня дверь бытовки была распахнута настежь, никаких следов пиршества, естественно, не углядеть. Атаманов сидел за столом, трезв, свеж, глаза смотрят холодно.

— Товарищ старшина! Рядовой Смелков по вашему приказанию прибыл!

— Сядь, — махнул рукой Атаманов. — Это ведь ты котлы запускал?

— Так точно, — подтвердил я. Атаманов все-таки был пьянее, чем казался, той ночью, — подумалось. — Некоторая амнезия имеет место быть. Он же со мной лично ночью разговаривал, как сейчас.

— Слышал уже, что случилось? Не знаю, что там у Шляхова, сердце больное было или что? Врачи разберутся. Все хорошо выпили... День рождения у меня был!

— Поздравляю! — сказал я.

— Спасибо! — криво усмехнулся Атаманов. — Не надо было ему догоняться!.. В общем, так, — принял решение старшина. — Все будем валить на покойника, ему теперь все равно. В шинок, скажем, он сам ходил. Ты не при делах. Понял?

— Так точно, — проговорил я, пораженный его благородством. На губу, и правда, не хотелось.

Из столовой я отправился в штаб, к замполиту. Мы с умом, честью и совестью нашей части были почти друзья. Спортгородок, который